

УДК 316(476)

В.А. Якубовский (Могилев, Беларусь)

БЕЛАРУСЬ В ИНТЕГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

The article considers the process of political integration at the territory of the former soviet republics over a 25-year period through political discourse. The focus is made on the peculiarities of the discursive practice of Belarus, Russia, Kazakhstan, and Ukraine as the main

participants of integrational processes. The success of integration depends on interaction between the discourses of authority and public, the author proposes.

Современный политический процесс на постсоветском пространстве охватывает четвертьвековой период. Становление ряда суверенных государств с различной степенью политической субъектности и разными векторами включения в общемировой контекст – наиболее осязаемый результат деконструкции советского политического пространства.

В целом суть политического процесса может быть описана в понятиях дезинтеграции и дифференциации. При этом важно подчеркнуть, что лейтмотивом и идейно-политической составляющей происходящих изменений на протяжении всего периода было и продолжает оставаться публично декларируемое политическими элитами стремление к дальнейшей интеграции постсоветских государств.

Таким образом, налицо очевидное противоречие реальных процессов и тенденций с ожиданиями и целями акторов, лидировавших в политическом процессе в указанный период. Применительно к проблеме интеграции на постсоветском пространстве это означает необходимость выяснения особенностей его отражения в общественном сознании, в том числе в характере публичного дискурса. Особый интерес представляет позиция в интеграционном дискурсе Беларуси как активного участника политического процесса на постсоветском пространстве.

Следует определить основные понятия, отражающие дискурсивную практику и логику ее развития. Под интеграцией-1 будем понимать СССР как целостное политическое образование. Интеграция-2 – система связей на современном постсоветском пространстве. При этом прежде всего имеются в виду отношения, оформленные институционально: Союзное государство Беларуси и России, Таможенный союз, Евразийский экономический союз и др. Понятием интеграция-3 обозначим явления и процессы, характеризующие политическое взаимодействие и целостность за пределами постсоветского пространства. Их институциональным воплощением является «общий рынок», Европейский союз, НАТО, ВТО и другие политические и экономические образования.

Этот категориальный подход обуславливает исходную позицию современного интеграционного дискурса – появление в политическом обиходе концепции «новое политическое мышление». По сути указанная идеологическая конструкция означала признание существования двух моделей системности – советской, воплощенной в СССР и мировой системе социализма (интеграция-1), и глобальной (интеграция-3). Впервые глобальные процессы, которые ранее характеризовались преимущественно в понятиях хаоса, спонтанности и непредсказуемости, стали восприниматься как иной тип системности с более высоким уровнем общности и глубиной взаимодействия.

При этом следует подчеркнуть принципиальный качественный сдвиг от фактического отождествления интеграции с централизацией, организованностью к представлению о сложном взаимодействии в интеграционном процессе централизации и децентрализации, организованной упорядоченности и системной открытости. Логика и последовательность появления в политическом дискурсе власти идеологов «больше социализма», «ускорение», «гласность», «демократизация», «перестройка» и других отражает намерение правящей элиты возместить издержки интеграции-1, дополнив ее преимуществами интеграции-3. Однако переход к идейному плюрализму сопровождался отказом от государственной идеологии. Фактически вместо углубления интеграции-1 за счет взаимодействия централизма и децентрализации произошел переход от моноцентризма к полицентризму. Характерный штрих: общественное сознание чутко уловило суть происходящего. В массовом дискурсе идейно-политические метаморфозы власти были отождествлены с призывом известного литературного героя – «Заграница нам поможет!».

Распад СССР зафиксировал неудачу попытки непосредственного перехода от интеграции-1 к интеграции-2. По данным доктора экономических наук Г. Цаголова, в Киргизии, которая раньше других постсоветских стран вступила в ВТО в 1998 году, промышленное производство практически прекратилось, а сельское хозяйство резко сжалось: земледелие – в 35 раз, животноводство – в 30 раз. Через год после вступления Украины в 2008 году в ВТО объем промышленного производства сократился более чем на 40%, а машиностроение рухнуло на 57%. Без работы оказались полмиллиона человек [1, 3].

С другой стороны, возникновение на постсоветском пространстве суверенных государств – новых политических центров, будучи с формально-институциональной точки зрения деградацией интеграции-1, с точки зрения системной является важной предпосылкой перехода к новому качеству объединительных процессов – интеграции-2, открывающей доступ к интеграции-3 и перспективу использования ее потенциала. В известном смысле пророческим стало высказывание классика в другое время и по другому поводу: «Прежде, чем объединиться, нужно хорошенько развединиться!».

Важно отметить, что указанная перспектива не является фатальной, автоматически реализующейся. Как все социально-политические проекты она имеет ряд сценариев включения в глобальный контекст. В том числе негативные, сводящиеся к превращению постсоветского пространства лишь в исходный материал, геополитический ресурс глобального процесса, центры решений которого будут находиться за пределами этого пространства.

Вероятность такого сценария в значительной степени определяется с одной стороны – уровнем осознания его опасности властной элитой, с другой стороны – ее способностью учитывать интересы общества и трансформировать в управленческие решения. Состояние публичного дискурса по проблемам интеграции в целом и в отдельных субъектах интеграционного процесса дает основания для оценки такой вероятности. В частности, это касается участников наиболее продвинутого интеграционного проекта на постсоветском пространстве – Евразийского экономического союза (Беларусь, Россия, Казахстан) маршрут которого прокладывает Союзное государство Беларуси и России.

Существует несколько подходов к анализу интеграционного дискурса и его связи с практикой. Отметим три из них.

Первый. Участники интеграционных инициатив и их позиции.

Второй. Анализ публичного дискурса с точки зрения роли в нем дискурса власти и массового дискурса.

Третий. Выявление основных направлений дискурсивной проблематики и их взаимосвязи.

Инициаторы и участники. Первая инициатива межгосударственного сближения на постсоветском пространстве принадлежит правительству Казахстана. Политическая элита Казахстана – единственная в СНГ, которая сохранила руководящие позиции со времен СССР. Суть проекта – максимальное восстановление структур и отношений советских времен, кроме идеологии и государственности.

Активное участие в обсуждении интеграционных проектов на начальном этапе принимало руководство Украины. Особенность позиции: максимум экономических выгод и минимум политических обязательств. В связи с провозглашенным «европейским выбором», который противопоставляется евразийской интеграции, участие в интеграционных процессах остается на уровне обсуждения.

Беларусь подтвердила твердый курс на интеграцию-2 с момента прихода к власти нынешнего руководства. Уже в 1995 г. сделан важный практический шаг – заключено белорусско-российское соглашение о Таможенном союзе, принципы которого в настоящее время легли в основу Таможенного союза трех стран. Интеграционные усилия белорусского руководства стали одним из основных факторов общественной и политической стабильности в стране.

Эффективность интеграционных проектов в решающей степени зависит от позиции руководства России. Подходы и приоритеты российской элиты за последние 20 лет претерпели сложную эволюцию: от либеральной ориентации на интеграцию-3 до признания актуальной интеграции-2 со специфической ролью в ней России.

Структура публичного дискурса. Структура интеграционного дискурса отражает глубину дифференциации политических процессов и характер взаимодействия общества и политических элит.

Так, для Украины характерны глубокие противоречия между различными группами политической элиты. Следствие – противоположная направленность массового дискурса, который отражает заинтересованность граждан страны во всестороннем развитии связей с постсоветскими государствами, и дискурса власти.

Значительно дифференцирован интеграционный дискурс также в России. Отличие от Украины в том, что массовый дискурс глубоко институционализирован в структурах системной и несистемной оппозиции. По мере развития демократических процедур вектор российской интеграционной политики все более осязаем на практике. В частности, он предопределил прорыв осенью 2011 г. в формировании Единого экономического пространства трех стран.

Прочные позиции политического режима в Казахстане определяют единство интеграционного дискурса, в котором доминирует дискурс власти на основе прагматических интересов.

Наиболее целостным и устойчивым по сравнению с основными партнерами по интеграционным проектам представляется интеграционный дискурс в Беларуси. Главная причина в том, что в его основу лег массовый дискурс, глубоко ориентированный на всестороннее и равноправное сближение народов на постсоветском пространстве.

Направления интеграционного дискурса. Проблематика интеграционных процессов структурирована согласно основным сферам общественной жизни: экономической, социальной, культурной, политической. Соответственно, задачи развития интеграции группируются по направлениям обеспечения движения капиталов, товаров и услуг, трудовых ресурсов, культурно-интеллектуального обмена и создания надгосударственных политических институтов. В зависимости от того, какое из направлений сближения и объединения является приоритетным, доминирующим, формируется и модель интеграции, которая лежит в основе конкретных проектов. Причем, это констатация не техническая, а идеологическая, которая в решающей степени определяет успешность и эффективность интеграционных инициатив. На это обратил внимание директор Института экономики РАН Руслан Гринберг, выступая на круглом столе в Совете Федерации российского парламента 24 ноября 2011 г.: «При всех проблемах, которые есть в Европейском союзе, там есть идея, которая сплачивает народы. Я боюсь, у нас такой нет» [2].

Между тем интеграция, по определению, есть объединение, сплочение, расширение масштабов коммуникации на основе общности интересов. То есть процесс прежде всего социальный. Следовательно, жизнеспособная модель интеграции в основе должна иметь решение человеческих, социальных проблем. Вполне определенно эту задачу сформулировал Президент Беларуси А. Лукашенко в статье «О судьбах нашей интеграции» в газете «Известия»: «Людам надо на деле показать... что интеграционные устремления – не политические игрища, а реальные предпосылки дальнейшего улучшения благосостояния человека» [3].

В приоритетности социального подхода к моделированию интеграционных процессов прослеживается глубокая внутренняя логика. Именно утрата социальных ориентиров четверть века назад дала импульс дезинтеграции СССР, больше всего ударив по широким массам населения. Становление суверенных национальных государств на постсоветском пространстве наиболее успешно и динамично происходило там, где решение социальных задач стало основой консолидации общества. Путь, пройденный Беларусью за два десятилетия, подтверждает этот вывод. Интересы граждан и формируемый на их основе массовый дискурс, конструктивный диалог общества и власти, его отражение в дискурсе власти и реализации в актуальной политике – таков алгоритм развития белорусского государства.

С этой точки зрения межгосударственная интеграция представляет развитие принципов и подходов, подтвердивших свою эффективность на внутригосударственном уровне. Приоритет социальных задач – главный принцип идеологии постсоветской интеграции. Отражающая его позиция Беларуси, основанная на равноправии участников, доверии между ними и обеспечении суверенитета как гарантии доверия, имеет все основания стать основой успешного интеграционного проекта на постсоветском пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цаголов, Г. До сих пор чешем в затылке / Г. Цаголов // Литературная газета. – 2013. – 6 марта. – С. 3.
2. Перспективы интеграции в рамках Евразийского союза обсудили в Совете Федерации 27.11.2011 г. – Режим доступа : <http://www.mpa-sf.ru/news/391-2011-11-27-10-11-10.html>. – Дата доступа : 19.03.2013.
3. Лукашенко, А. О судьбах нашей интеграции / А. Лукашенко // Беларусь сегодня. – 2011. – 19 окт. – С. 1-2.